

Рунов Борис Александрович

СОПРОТИВЛЕНИЕ
ВЫ БУДЕТЕ УНИЧТОЖЕНЫ

БЕСПОЛЕЗНО,

Родился 24 мая 1925 года в поселке Жуковка г.Ногинска Московской области. Когда началась война, в нашей семье, как и в многих других, жизнь изменилась. Я с детства был приучен к работе. Моя мать не могла меня видеть без дела – сразу находила мне работу по дому. А ее хватало – это и огород, уход за животными и курами, заготовка дров, поход за грибами, заготовка на зиму различных солений. В ранние годы научился у деда сапожному ремеслу. Отец работал до войны в Ногинске в горфинотделе. Накануне Великой Отечественной войны его выбрали председателем отстающего колхоза в соседней деревне.

Когда началась война, отец отказался от брони, добровольцем ушел на фронт. У матери нас осталось четверо, и я был старший. Ремонтировал обувь не только для семьи, но и для жителей поселка, зарабатывая на хлеб. 16-летним пошел работать на военный завод. Вдвоем с напарником таскали 100-килограммовые ящики со снарядами. Целый год работал по 12 часов в день, затем устроился в «Мосэнерго» монтером на воздушных линиях. Приходилось много лазить по столбам, научился не бояться высоты, что впоследствии пригодилось. Военно-инженерное училище в г.Болшево, которое я окончил после призыва в армию в 1943 г.; научило меня многому. Усвоил главную заповедь: сапер ошибается только один раз в жизни.

Потом, в бою не раз я попадал в такие условия, когда жизнь висела на волоске, и всегда выручали отличная выучка, точный расчет и выдержка, умение до мельчайших тонкостей разбираться не только в наших минах, но и в немецких.

Воевать пришлось сравнительно недолго. Боевое крещение, как командир саперного взвода, получил в 1944 году на Сандомирском плацдарме. В конце войны наши войска непрерывно наступали, поэтому саперам приходилось обезвреживать мины, проделывать проходы для атакующей пехоты и танков, давать возможность передовым группам, разведчикам преодолевать минные и проволочные заграждения.

После месячного пребывания на фронте меня тяжело ранило. Выпущенный из немецкого танка снаряд разорвался поблизости, осколок разбил бедренную кость правой ноги. Около трех месяцев лечился в госпитале в Киеве.

Из госпиталя вернулся на фронт. Прибыл на 1-й Украинский фронт, в 3-ю инженерную бригаду на должность командира саперного взвода. Бригада обеспечивала продвижение 4-й танковой армии на запад. Наступать приходилось по заминированным дорогам. Серьезной преградой служили реки, а в Польше и Германии их много. Работы саперам хватало. Шли с танками через Польшу, вступили на землю Германии, часто под огнем противника строили мосты через реки Одер, Нейсе, Бобер, Шпрее, Эльбу. Реки широкие, полноводные, и форсировали некоторые из них накануне или во время паводка весной 1945 года.

Темпы наступления 4-й танковой армии были столь высоки, что строить мост приходилось быстро и с нуля. Саперы одновременно вели инженерную разведку подходов к реке. Все делали скрытно: измеряли глубину водной преграды, определяли скорость течения и другие показатели реки, чтобы не ошибиться, все учесть при строительстве моста. Для сокращения времени стройматериалы заготавливали заранее и затем готовые прогоны доставляли к берегу.

В инженерной бригаде оказался мой земляк – Юрий Дорофеев. Мы учились с ним в одной школе, поступили и окончили одно военно-инженерное училище в Болшеве. Вначале наши фронтовые дороги разошлись, а когда я после госпиталя прибыл в 3-ю инженерную бригаду, здесь оказался и лейтенант Дорофеев. Мы стали командовать взводами в одной роте, и между нами возникло негласное соревнование: чей взвод быстрее выполнит задание...

Глядя на командиров, подружились и солдаты взводов. Саперы выручали друг друга, приходили на помощь – все делали во имя успеха своей

танковой армии, которую нужно было как можно быстрее пропустить вперед, обеспечить переправу танков. Противник яростно оборонялся, делал все, чтоб не допустить или сорвать строительство мостов для наших войск. Налеты вражеской авиации, артиллерийский и минометный огонь не останавливали саперов. Шли на хитрость: начав строительство моста в одном месте, делали что-то похожее – устраивали ложную переправу в другом. Использовали различные средства маскировки: ночь, туман, дымовые завесы. Командиры ценили каждого бойца, шли на все, чтоб избежать людских потерь.

Саперной роте и моему взводу порой приходилось с риском для жизни отстаивать построенный нами же мост. Так было при форсировании реки Нейсе весной 1945 года, накануне паводка. Саперы соорудили мост быстро и без больших потерь. Длина моста до 100 метров, грузоподъемность – 60 тонн. Построили мост надежно, а для гарантии, чтобы механики-водители первых танков не сомневались в прочности моста, саперы сами вставали под него.

Первый танк прошел, за ним второй, третий, техника двигалась, и в это время пришла беда... ,но не от противника. Начался ледоход! Вражеские снаряды разбили лед, и он тронулся, течение понесло льдины на сваи моста. Ударяя по сваям, ледяные глыбы стали раскачивать мост. Закачались и идущие по нему танки. Надо было спасать мост. Выход один – бросать на льдины толстые шашки и взрывать. При этом надо было точно рассчитать время взрыва, чтобы он не произошел под мостом.

Быстро приготовили шашки, нарезали бикфордов шнур, рассчитали его длину: 5 сантиметров – столько секунд саперы оставили на горение бикфордова шнура от поджога до взрыва.И начали отстаивать мост, пока не прошла головная колонна танков. Одного бойца все же потеряли: он не заметил начала горения шнура и погиб от взрыва. Но мост сохранили и обеспечили успешное выполнение боевой задачи танковой армии, дали возможность пройти на другой берег основной массе техники и войскам.

В конце апреля 1945 года я участвовал со своим саперным взводом на строительстве моста через Эльбу в районе немецкого города Торгау, где встретились с нами первые американцы. Радость встречи с союзниками вылилась в большой, незабываемый праздник. А несколько дней спустя мне довелось испить горькую чашу жестоких испытаний, прикоснуться к смерти...

Это произошло 1 мая. Саперы были в приподнятом настроении по случаю Первомайского праздника и ожидания скорой Победы. Бои шли уже в Берлине. И тут мой взвод подняли по тревоге, придали два танка и

бросили навстречу вырвавшимся из окружения фашистам. Оставил оба танка у крайних домов поселка, развернул взвод в цепь и повел навстречу немцам.

Выходя на опушку я заметил, что с противоположной стороны на нас двигалась масса немцев. С оружием, во главе с офицерами они выходили из леса, шли напролом. Я дал команду не стрелять и быстрее отходить к своим танкам, которые остались за первыми домами поселка. Так получилось, что сам я отходил последним и конные немцы меня отрезали, я остался один среди немцев. А их с подошедшими оказалось очень много- несколько сот. До наших танков через лес и поле было более 300 м, но танки не были видны из-за деревьев.

Немцы окружили меня. Подошел офицер в чине майора, на ходу вытаскивает из кобуры парабеллум. Я в это время вытащил чеку из гранаты. Я плохо, но знал немецкий язык и крикнул: «Берлин пал. Сдавайтесь! Я сохраню вам жизнь. Там мои танки. Соппротивление бесполезно, вы будете уничтожены...»

Немецкий офицер не стал стрелять, понимая, что я успею взорвать гранату и тогда ему и многим солдатам будет конец. И тут среди солдат раздались крики. Это моя свежая информация дошла до их сознания. Они не знали настоящей ситуации, им о ней не сообщали. Подошли еще два майора и стали переспрашивать, что я сказал.

Первый немец пытался убедить подошедших, что меня надо расстрелять. Но многие хотели жить и для этого сдать мне в плен. Один из подошедших офицеров сказал: «Убери парабеллум, майор. Мы не хотим умирать. А ты, лейтенант, убери гранату...» Я тогда осмелел и велел им складывать оружие и садиться. Многие стали садиться, но с оружием.

А далее получилось так, что часть немцев – около сотни – пошли вперед, к выходу в поле, на мои танки. Я знал, что стоит им только выйти из леса, как танки откроют огонь. Меня они наверняка не оставят живым. Поэтому принимаю решение – остановить их. Догнал я их уже на выходе из леса. И в этот момент наши танки открыли огонь. Недалеко разорвался снаряд, а я бросился в кювет и по нему быстро пополз к своим.

Когда до наших танков оставалось немногим больше сотни метров, я вытащил платок и стал им махать, чтобы в меня не стреляли. Меня заметили и, собрав все силы, я бросился вперед. Радость встречи трудно описать. Мои солдаты уже и не думали, что я останусь живым. Вскочив на танк, мы двинулись туда, где была основная масса немцев. Немцы, а их было около 700, сдались. А те, кто не захотел сдаваться, нашли себе смерть на опушке леса.

За успешную операцию и взятие в плен большой группы немцев, которые, выходили к штабу 4-й танковой армии, мне было присвоено звание Героя Советского Союза. Тогда мне было неполных 20 лет...

Много еще было разных приключений во время войны. В 3-м издании моей книги «Вспоминая прошлое, думаю о будущем», которая вышла в начале 2003 года, можно найти и другие описания.

Демобилизовался я в 1945 году, по ранениям получив инвалидность 3-й группы. Хотел поступить в военно-инженерную академию, но не приняли: не прошел медкомиссию. Поступить в энергетический институт также не удалось – прием уже прошел, а терять еще год не хотелось.

Кто-то из соседей по Жуковке посоветовал идти учиться в Московский институт механизации и электрификации сельского хозяйства, который я и окончил в 1950 году.

Награжден:

- орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда»,
- орденом Трудового Красного Знамени,
- орденом Отечественной войны I степени,
- двумя орденами Красной Звезды,
- 18 медалями, в том числе «За взятие Берлина», «За освобождение Праги» и другими наградами.

Мне присвоены почетные звания «Заслуженный деятель науки и техники РФ» и «Почетный солдат Советской Армии». Имею научную степень доктора сельскохозяйственных наук и звания: профессора, академика Российской академии сельскохозяйственных наук, действительного члена Академии военно-исторических наук.

Январь 2003 года.

